

Надточей Ю.И.¹

Экспортный контроль в Европейском союзе: между «нормативной силой» и «стратегической автономией»

***Аннотация.** В статье рассматривается режим экспортного контроля (ЭК) Европейского союза как важнейший элемент политики обеспечения европейской и международной безопасности, внешнеэкономической деятельности и стратегического позиционирования ЕС. Особое внимание уделяется дуализму европейской модели ЭК, сочетающей национальные и наднациональные регуляторные практики. Анализируется трансформация европейской политики в условиях замедляющейся глобализации, роста геополитической конкуренции и кризиса многосторонних режимов контроля, что стимулирует Брюссель к продвижению концепции «стратегической автономии».*

Отмечается, что регулирование экспорта военной продукции и товаров двойного назначения остается противоречивой сферой, в которой переплетаются интересы государств-членов Евросоюза, институтов ЕС и внешних акторов. Рассматриваются ключевые документы и инициативы, направленные на повышение транспарентности и унификации национальных практик. Указывается, что, несмотря на наличие единой нормативной базы, государства – члены Евросоюза сохраняют широкую автономию, а это не способствует синхронизации их практик в области экспортного контроля на уровне ЕС.

Анализируются вызовы, связанные с ускоренным развитием наукоемких технологий (в том числе – средств кибернаблюдения), ростом

¹ **Надточей Юрий Иванович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ИНИОН РАН (ynadtochey@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-8725-6495

внутреннего оборонного спроса и параллельным сохранением высокой экспортной активности ведущих европейских производителей вооружений. Представлена дилемма между ценностным и прагматическим подходами: сокращение роли правозащитных критериев при лицензировании сопровождается усилением приоритета геоэкономических и геополитических факторов. На примерах экспорта вооружений в Израиль, Украину и государства Ближнего Востока показано, как европейские страны лавируют между декларациями о «нормативной силе», практикой поддержания национальных производителей и стремлением к укреплению международного мира и безопасности.

Делается вывод, что современный режим ЭК в ЕС во все большей степени функционирует не только как инструмент «этической фильтрации», но и как механизм протекционизма и стратегического реагирования на вызовы многополярного мира. Его дальнейшая эволюция будет определяться балансом между необходимостью институциональной консолидации и сохранением национальных особенностей, что ставит под вопрос возможность превращения ЕС в модельную систему экспортного контроля для других участников международных отношений (государств, региональных интеграционных группировок).

Ключевые слова: Европейский союз, экспортный контроль, многосторонние режимы экспортного контроля, экспорт вооружений, «нормативная сила», права человека, товары и технологии двойного назначения, стратегическая автономия, экономическая безопасность.

В системе мер обеспечения международной и национальной безопасности особая роль отводится экспортному контролю (далее – ЭК). Под таковым обычно понимается комплекс особых мер, ограничивающих трансграничное перемещение определенных видов товаров или технологий (как чисто военного, так и двойного назначения). Эти меры, согласно определению Генерального Директората по торговле и экономической безопасности Европейской комиссии, должны «способствовать укреплению международного мира и безопасности и предотвратить распространение оружия массового уничтожения» [Exporting dual-use ... , 2025].

В конкретном виде механизмы ЭК включают специальные процедуры лицензирования и запрета на вывоз таких товаров за рубеж, а также формирование особых контрольных списков товарной номенклатуры, которые принимаются как правительствами отдельных стран, так и на международном уровне. Европейский союз и его государства-члены в этом плане не являются исключением. ЭК в рамках Евросоюза представляет собой сложный регу-

ляторный механизм, созданный как при участии институтов ЕС на основе норм общесоюзного права, так и на основе национальных правил, применяемых отдельными государствами – членами объединения. Он прошел длительную трансформацию от элементарных процедур контроля к многоуровневой институционализованной системе, обладающей уникальными характеристиками. На сегодняшний день Евросоюз является единственной региональной организацией, обладающей подобной системой [Bromley, Maletta, 2018]. При этом, в отличие, например, от США (где действует централизованный межведомственный орган, а экспортное лицензирование более унифицировано) или КНР (где существует жесткая вертикаль исполнения требований), европейская модель представляет собой гибрид национальных и наднациональных практик правового регулирования [A comparison ... , 2023]. Такой подход обусловлен необходимостью одновременно удовлетворять требованиям экономической либерализации (свободный рынок, условия конкуренции) и способствовать решению задач по обеспечению безопасности и экономических интересов как Евросоюза в целом, так и его отдельных государств-членов [Davis, 2002].

Принимая во внимание тот факт, что политика ЕС в области ЭК является отражением как глобальных процессов, так и степени внутреннего единства объединения, можно выявить несколько составляющих, которые задают направление трансформации этой политики:

1) глобальная система многосторонних договоренностей (Австралийская группа, Вассенаарские договоренности, Группа ядерных поставщиков (ГЯП), Международный договор о торговле оружием (МДТО) и др.) постепенно теряет эффективность, что связано с нарастающей международной конкуренцией и с обострением противоречий между великими державами, готовыми в процессе конкурентной борьбы нарушать правила международных режимов ЭК [Arms sales ... , 2025 ; Blackwill, Fontaine, 2024 ; Brockmann, 2021]. В частности, США активно наращивают собственные экстерриториальные меры (односторонние запреты, расширенный перечень экспортных ограничений и пр.), тогда как страны Глобального Юга, в свою очередь, все чаще выражают недовольство существующими западными практиками ЭК, считая их несправедливыми и наносящими вред развивающимся экономикам [Janeba, 2024];

2) в условиях стремительного развития наукоемких технологий военного и двойного назначения сохраняющиеся в ЕС достаточно консервативные законодательные и правоприменительные практики и «реактивный» характер существующих национальных систем ЭК приводят к отставанию действующих регулирующих норм от реальной жизни, особенно в тех случаях, когда речь идет о новых технологиях, создающих как угрозы безопасности, так и риски для прав человека (например, средства кибернаблюдения) [Kanetake, 2019];

3) обострение международных конфликтов (Израиль – Палестина, Россия – Украина) и их эскалация усугубляют ситуацию для Евросоюза – объединение вынуждено лавировать между необходимостью защищать свои технологические цепочки, обеспечивать эффективность совместных мер и заботиться о сохранении морального имиджа. Несмотря на закреплённый в стратегических документах статус Евросоюза как защитника универсальных норм, объединение все чаще оказывается перед дилеммой выбора между ценностями (понимаемыми в категориях либерализма, свободы и демократии) и интересами (выраженными в императивах геэкономики и геополитики);

4) упомянутая дилемма, в свою очередь, порождает разногласия между государствами – членами ЕС, а равно и между институтами ЕС – Европейской комиссией, Европарламентом и Советом ЕС – относительно того, насколько широко должны учитываться факторы, связанные с правами человека, при принятии решений о регулировании экспорта тех или иных товаров или технологий [Bromley, 2023].

Современный стратегический нарратив ЕС во все большей степени принимает во внимание тезис о «замедляющейся глобализации», а также опасения по поводу укрепления позиций «ревизионистских держав», желающих получить доступ к европейским технологиям, используя такие «уязвимые места» западных экономических систем, как открытость, взаимозависимость, плюрализм [Slowing down ... , 2020 ; Ash, 2025 ; Shi-Kupfer, Turchet, 2023]. Реагируя на эти вызовы, Евросоюз выдвигает все новые инициативы в рамках концепции технологического суверенитета: ужесточает контроль над входящими иностранными инвестициями [Данилин, Кириченко, Шелюбская, 2024], меняет порядок мониторинга транзитных сделок, создает новые дискуссионные площадки наподобие Форума по экспортному контролю. Все это требует примене-

ния новых форм анализа к проблематике ЭК в ЕС, в рамках которых центральным исследовательским вопросом становится вопрос о соотношении различных мотивов, которыми в своей политике руководствуется Евросоюз в лице его государств-членов и институтов. В данном случае ЕС одновременно выступает и в роли организации, опирающейся на провозглашенные собственные ценности, и в образе актора, все громче заявляющего о своей стратегической автономии с целью укрепления собственных международных позиций. Поиск ответа на вышеуказанный вопрос позволит выявить не только уязвимые места в меняющейся системе ЭК ЕС, но и определить наиболее вероятные направления ее дальнейшей трансформации.

Экспорт вооружений

На уровне Евросоюза наименее зарегулированной сферой ЭК остается экспорт продукции ВПК. Параметры торговли такой продукцией (вооружениями и военной техникой, ВиВТ), в соответствии со статьей 346 Договора о функционировании ЕС, определяются преимущественно нормами национального законодательства [Consolidated versions ... , 2012]. Сам же Евросоюз, принявший в 2008 г. Общую позицию 2008/944/CFSP (далее – ОП), в данной области обладает только дополнительной компетенцией. Этот регулярно пересматриваемый документ заложил юридически обязывающие правила, регулирующие экспорт военных технологий и оборудования, заменив собой более раннее и чисто политическое соглашение – Кодекс поведения в области экспорта вооружений от 1998 г.

ОП определила восемь общеобязательных критериев (минимальных стандартов), которым государства – члены ЕС должны следовать в процессе экспорта, посредничества в экспорте и транзита продукции военного назначения [Curic, 2022]. В частности, один из критериев подразумевает обязательство стран-экспортеров из ЕС учитывать ситуацию с правами человека в странах, импортирующих их военную продукцию, а также принимать в расчет степень соблюдения импортерами международных норм гуманитарного права [Council Common position ... , 2008]. В целях эффективного применения положений ОП было также разработано особое и периодически обновляемое «Руководство пользователя», которое содержит рекомендации для национальных органов власти о том, как интерпретировать и применять восемь критериев ОП [User's

guide ... , 2019]. Опираясь на положения ОП, Совет ЕС разработал так называемый общий военный перечень, состоящий из 22 категорий вооружений, боеприпасов, военного оборудования и технологий; однако ответственность за процедуры лицензирования изделий, относимых к ВиВТ в соответствии с условиями данного перечня, возлагается на национальные правительства [Common military ... , 2025]. Тем не менее хотя в 2009 г. Еврокомиссия обнародовала Директиву 2009/43, упрощавшую сроки и условия перемещения продукции военного характера в пределах внутреннего рынка ЕС [Directive ... , 2009]¹, вопросы внешнего экспорта остались неурегулированными, так как упомянутая ОП 2008/944/CFSP вывела сферу ЭК на уровень деятельности Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ), где полномочия Европейской комиссии существенно ограничены. На усмотрение государств оставлена и выработка правовых механизмов имплементации положений и критериев ОП. Государства – члены ЕС только координируют между собой эти процедуры, обсуждая их в рамках рабочей группы по экспорту конвенциональных (обычных) вооружений (*англ.* EU working party on conventional arms export, COARM) под руководством Европейской службы внешних связей (ECBC; *англ.* European external action service, EEAS).

Обособленность позиций каждой страны ЕС в рамках международных режимов ЭК² не способствовала ни разработке ВиВТ совместно со странами, не входящими в Евросоюз, ни европейскому единству и выработке общей политики в области экспорта ВиВТ. Между тем уже в 2000-х годах потребность в выработке общей политики в данной сфере была продиктована требованиями времени: расширение ЕС на восток усложнило задачу унификации системы ЭК в рамках объединения. Присоединившиеся к ЕС новые страны обладали разным опытом в этой области, а их национальные стандарты контроля порой значительно отличались друг от друга, что затрудняло процедуры согласования экспортных операций на уровне ЕС. Руководство Евросоюза стремилось иско-

¹ Согласно этой Директиве, перемещения продукции военного назначения внутри ЕС не могли относиться к категории внешнеторговых процедур и обозначались как трансферные (т.е. между государствами – членами Евросоюза).

² Четыре страны ЕС (Кипр, Мальта, Ирландия, Люксембург) не входят в Группу ядерных поставщиков, а Кипр не является страной – участницей Вассенарских договоренностей.

рентить практиковавшиеся недобросовестными поставщиками из Центральной и Восточной Европы схемы поставок вооружений (в особенности – экспорта стрелкового оружия) в зоны вооруженных конфликтов в Африке. Широкую огласку получили хорошо задокументированные организацией «Human Rights Watch» и ООН случаи поставки оружия в Либерию (2000–2002), которые осуществляла Словакия в обход эмбарго через поддельные сертификаты конечного пользователя [Letter dated ... , 2001].

Даже в 2010-х годах, несмотря на участие всех стран – участниц ЕС в Договоре о торговле оружием, многие из них, согласно отчетам экспертов организации «Безопасный мир» (*англ.* «Safer World»), продолжали развивать военно-техническое сотрудничество со странами, вовлеченными в вооруженные конфликты (что противоречит положениям шестой статьи этого Договора). Особенно показательным примером было сотрудничество отдельных государств – членов ЕС с некоторыми государствами Ближнего Востока в период «арабской весны»: в частности, Болгария, Франция, Италия, Румыния продолжали поставлять военную продукцию Саудовской Аравии и возглавляемой ею коалиции стран, ведущих боевые действия против хуситов в Йемене [O'Farrell, Isbister, 2018]. По оценкам специалистов, также не была в полной мере изжита практика продажи вооружений на основании фальшивых сертификатов конечного пользователя. Отдельные государства – члены ЕС давали разрешения на экспорт стрелкового вооружения и боеприпасов советского образца в страны, не использующие такие системы вооружений (например, в Саудовскую Аравию или США), с вероятной последующей отправкой этого оружия в различные зоны конфликтов [Isbister, 2019].

Для противодействия политике экспорта ВиВТ, способствующей поддержанию или эскалации вооруженного насилия, ЕС обладает полномочиями вводить оружейное эмбарго. Однако и в этом случае государства – члены объединения оставляют за собой право интерпретировать и имплементировать его положения в соответствии со своими национальными законодательствами, что потенциально создает условия для обхода введенных экспортных ограничений [Thoms, 2025 ; Meissner, Urbanski, 2021]. Некоторые исследователи видят возможности для «европеизации» системы ЭК через постепенный вывод ее на наднациональный уровень и наделение институтов ЕС соответствующими компетенциями [Bora, Rueda, 2025]. Другие же сомневаются в результативности

такого подхода, учитывая неизменную политизацию подобной деятельности в Евросоюзе, а также непоследовательность и противоречивость в ее реализации в последнее время, особенно на фоне израильско-палестинского и российско-украинского конфликтов. Тем не менее даже скептики признают, что в области ЭК в ЕС наметился определенный прогресс, отмечая, что в 2025 г., после очередного пересмотра положений ОП 2008/944/CFSP, в нее были внесены более четкие требования, нацеленные на повышение прозрачности в отношении выданных (или получивших отказ) лицензий в отчетах, которые государства – члены ЕС обязаны представлять в ЕСВС и из которых в конечном итоге формируется сводный отчет. Но в то же время, как отмечает эксперт СИПРИ Э. Сабатьяно, «уровень детализации предоставляемой информации варьируется от одного государства к другому, поскольку отчеты составляются в соответствии с национальными правилами» [Sabatiano, 2024]. Это обстоятельство ставит под сомнение возможность получения максимально полных сведений о процедурах лицензирования и, как следствие, ставит под сомнение также надежность мер, принимаемых институтами Евросоюза для достижения прозрачности в области ЭК.

Экспорт товаров двойного назначения

Не менее (а, возможно, даже более) злободневной проблемой для ЕС и его государств-членов является выработка и осуществление эффективного комплекса мер по контролю за экспортом товаров и технологий двойного назначения (ТТДН). Подобные меры стали вводиться практически сразу после завершения холодной войны и упразднения Координационного комитета по многостороннему экспортному контролю. В 1994 г. был принят Регламент 3381/94, а в 2000 и 2009 гг. – Регламенты 1334/2000 и 428/2009, – акты прямого действия, обязательные к исполнению во всех государствах – членах ЕС без необходимости их трансформации в национальное законодательство.

Таким образом, контроль над ТТДН оказался лучше коммунифицирован по сравнению с регулированием экспорта вооружений. В этой области Евросоюз обладает исключительной компетенцией в рамках Общей торговой политики, а следовательно – прерогативой при принятии решений. Тем не менее в области регулирования экспорта ТТДН, в виду ее особой специфики, сохранился принцип: ЕС формирует «рамку» режима контроля, однако полномочия по

составлению контрольных списков (с учетом их «стратегической природы») остаются в руках государств – членов объединения [Council Regulation ... , 1994]. Такая компромиссная модель позволяла, в частности, Германии и Франции использовать контроль экспорта ТТДН для поддержки своих оборонных секторов и минимизации вмешательства наднациональных структур в эту область.

Под ТТДН подразумеваются «предметы, а также программное обеспечение и технологии, которые могут быть использованы как в гражданских, так и военных целях, в том числе предметы, пригодные для разработки, производства или использования ядерного, химического, биологического оружия или средств его доставки, включая все компоненты, которые могут быть использованы как в целях, не связанных с взрывными устройствами, так и в целях какого-либо содействия производству ядерного оружия или других взрывных устройств» [Regulation (EU) 2021/821 ... , 2021]. Очевидно, что такая широкая трактовка ТТДН потребовала от институтов ЕС новых политико-правовых подходов, а многообразие товаров и технологий, подпадающих под экспортное регулирование, – новых концептуальных решений¹. Например, еще в 2020 г. Еврокомиссия предложила включить в список ТТДН «технологии кибернаблюдения» и сформировать «автономный» контрольный список ЕС для позиций, не включенных в существующие перечни, согласованные на уровне многосторонних режимов экспортного контроля [Proposal ... , 2020]. Эта мера должна была воспрепятствовать использованию таких технологий в целях нарушения прав человека или норм международного гуманитарного права или для совершения террористических актов.

В то же время необходимо отметить, что, поскольку «товары двойного назначения» часто разрабатываются и производятся на предприятиях различных отраслей гражданской промышленности, любые контрольные и ограничительные меры потенциально могут

¹ Постепенная «мягкая» (или частичная) коммунитаризация экспортного контроля позволила усовершенствовать эту сферу, создать более детализованные нормы и правила экспорта товаров и услуг, включая программное обеспечение и технологии, используемые в судостроении, аэрокосмической, химической, нефте- и газодобывающей, фармацевтической и атомной промышленности (всего десять категорий контролируемых наименований с детальным описанием их технических параметров, а также изъятий и исключений из списков).

оказать более осязаемое, порой весьма негативное воздействие на деятельность гражданских фирм, нежели в аналогичных случаях с предприятиями ВПК [Restricted ... , 2025 ; The list of dual-use ... , 2021]. Правовая неопределенность возникла и в связи с исследовательской деятельностью научных организаций, поскольку производимые ими знания (ноу-хау) также могут быть предметом ЭК [Stalenhoef, Kanetake, Wende, 2022]. Европейскому союзу приходится принимать во внимание интересы широкого круга экономических игроков, а не только производителей военной продукции, так как экспортные ограничения нарушают глобальные цепочки поставок, тем самым нанося ущерб коммерческим производителям и гражданским секторам экономики, которые не имеют специальной государственной поддержки.

«Forum-shopping» в действии

Быстрое развитие цифровизации и продолжающееся стирание границ между военными и гражданскими технологиями вынудило Совет ЕС перейти к более частому регулярному обновлению контрольных списков и внедрить так называемый «всеобъемлющий» (англ. «catch-all») механизм, предоставляющий национальным властям право останавливать экспорт, даже если технология не внесена в официальный список, но вызывает подозрения по конечному пользователю.

Долгое время процедура обновления контрольных списков оставалась ежегодной, что приводило к тому, что реальные технологические новинки оказывались вне контроля в среднем в течение 24 месяцев. Однако в 2021 г., после вступления в силу Регламента 2021/821, ситуация изменилась. Раньше государства – члены ЕС ежегодно уведомляли Еврокомиссию о принятых национальных мерах, отчет о которых впоследствии публиковался в Официальном журнале ЕС в форме информационной записки. Новый же Регламент обеспечил большую прозрачность решений в области лицензирования товаров и координацию национальных контрольных списков на уровне отдельных стран – участниц ЕС [Commission Recommendation ... , 2025]. В соответствии со статьей 9 Регламента 2021/821, Еврокомиссия публикует, с одной стороны, информационную записку, включающую все «национальные меры», о которых ей сообщили государства – члены объединения, с другой – так называемый «сборник ЕС по национальному контролю» [White Paper ... , 2024]. Таким образом, Еврокомиссия рассчи-

тывает, что данные документы позволят одним странам – участникам ЕС применять меры контроля непосредственно к своим экспортерам, ориентируясь на те ТТДН, которые были ограничены к экспорту другими странами.

Однако реальная практика оказывается гораздо сложнее. Общеввропейская нормативная база становится все более совершенной, однако реализация процедур, требующих быстрого реагирования на национальном уровне, еще далека от совершенства. В отчетах Еврокомиссии отмечается, что национальные контрольные органы государств – членов ЕС сохраняют широкую автономию, что затрудняет формирование по-настоящему унифицированных и оперативных механизмов реагирования. Еврокомиссия указывает на значительные различия в ресурсах и административных возможностях национальных структур, что непосредственно влияет на скорость обновления контрольных перечней и эффективность процедур их применения [Report from the Commission ... , 2022 ; White Paper ... , 2024].

Международные конфликты и кризисы 2022–2024 гг., включая конфликты на постсоветском пространстве (Украина – Россия, Азербайджан – Армения), на Ближнем Востоке (Израиль – ХАМАС), а также торговые споры ЕС с Китаем, выявили уязвимости экспортного контроля ЕС, связанные с отсутствием полноценной централизованной координации в подходах к лицензированию тех или иных ТТДН. Германия, Испания, Нидерланды регулярно вводят новые позиции для лицензирования, не упомянутые в общем перечне ЕС¹, и тем самым в одностороннем порядке расширяют существующие общесоюзные меры в области ЭК [Emerging technologies ... , 2024 ; Sachs, Rösch, Glöckle, 2024 ; Orru, 2024]. В то же время почти половина стран – участниц ЕС не спешит следовать их примеру [Dereskeviciute, Naugès , Chajdukowski, 2024].

Несмотря на постепенное совершенствование нормативной базы ЕС в области контроля за экспортом ТТДН, проблема недостаточной прозрачности национальных практик сохраняется. После принятия Европейской стратегии в области экономической безопасности (2023) Еврокомиссия, продолжая работу по совершен-

¹ Германия 23 июля 2024 г. внесла в свой перечень семь новых позиций (квантовые компьютеры, сгуо CMOS, сухое травление и др.). Нидерланды с сентября 2023 г. ввели национальное лицензирование на три категории передовой литографии, а 7 сентября 2024 г. этот перечень был расширен.

ствованию европейского режима ЭК, в январе 2024 г. обнародовала специальную Белую книгу по экспортному контролю. В этом документе подчеркивается, что развитие общеевропейской системы ЭК сопряжено с риском ее фрагментации по нескольким причинам. Во-первых, государства – члены ЕС вправе вводить национальные меры контроля без предварительных консультаций и оценки последствий на уровне ЕС, что уменьшает транспарентность процесса. Во-вторых, отсутствуют гарантии, что другие страны согласятся перенять опубликованные меры, что в итоге может привести к несогласованности правоприменительной практики. В-третьих, национальные законодательства нередко препятствуют признанию или прозрачному учету мер, принятых другими государствами. И, наконец, существует риск рассинхронизации действий стран – участниц ЕС относительно экспорта ТТДН: запрет на экспорт в третьи страны (не входящие в ЕС) фактически обходится за счет либерализации торговли в рамках единого рынка Евросоюза (так называемый «forum shopping»), когда вывоз ограничиваемой продукции за пределы ЕС становится возможен благодаря участию в этом процессе страны – участницы Евросоюза с наиболее либеральной торговой политикой [White Paper ... , 2024]. Таким образом, «forum-shopping» является не только технической лазейкой, но и симптомом недостаточной согласованности нормативной базы в юрисдикциях (в том числе внутренних¹) отдельных стран – участниц ЕС [Cops, Duquet, Gourdin, 2017].

В конце 1990-х и начале 2000-х годов подобная проблема (правда, применительно к сугубо военной продукции) порождала резонансные международные скандалы и становилась предметом разбирательств на уровне отдельных государств – членов Евросоюза. Например, Комиссия по вопросам контроля над экспортом Палаты общин Великобритании в связи с этим указывала, что британские фирмы, занимающиеся поставками военного оборудования, отказываются от сделок из-за сложной процедуры лицензирования, действующей в стране, в то время как конкуренты из ЕС «безо всяких препятствий» получают лицензии и осуществляют такие поставки [Strategic export ... , 2005]. Впрочем, это обстоятельство не помешало британским компаниям осуществить поставку пар-

¹ Например, в отчете правительства Брюссельского региона (2018) прямо говорится о необходимости правовой гармонизации между регионами Бельгии из-за различий в региональном лицензировании [Rapport annuel ... , 2018].

тии штурмовых винтовок для армии Непала после того, как правительство ФРГ под воздействием критики со стороны немецкого отделения организации «Amnesty International» отказалось выдать экспортную лицензию на поставку такого оружия непальским властям [Undermining global ... , 2021].

Помимо рисков подрыва эффективности ЭК, вышеупомянутая Белая книга предлагает четыре ключевых шага, которые, по мнению Еврокомиссии, помогут исправить текущее положение дел: 1) содействовать принятию новых мер ЭК на уровне ЕС, используя различные законодательные процедуры, чтобы ЕС получил возможность быстро гармонизировать экспортный контроль в ответ на происходящие события, тем самым исключив необходимость принятия контрольных мер со стороны отдельных государств – членов объединения; 2) обеспечить координацию нормативной базы Евросоюза в области ЭК посредством создания форума, объединяющего заинтересованные страны – участницы ЕС; 3) создать новые механизмы обеспечения транспарентности национальных экспортных политик, предусмотрев возможность включения в национальные экспортные перечни тех ТТДН, которые пока не включены в общесоюзный список, но торговля которыми, тем не менее, может нести потенциальные риски для Евросоюза в целом; 4) перенести сроки очередного пересмотра положений существующего законодательства в области ТТДН с 2026 на 2024 г. [White Paper ... , 2024].

Не остались без внимания Брюсселя и вопросы военного экспорта. 15 апреля 2025 г. Совет ЕС принял решение об очередном изменении ОП 2008/944/CFSP, регулирующей экспорт военной техники и оборудования, установив критерии для отказа в выдаче экспортных лицензий и позволив государствам – членам ЕС использовать «дополнительные инструменты контроля конечного пользователя», включая право требовать согласие на конкретные механизмы проверки. Помимо прочего, новая редакция ОП поощряет «обмен информацией о пунктах назначения, мониторинг конечного использования и оценку рисков», а также использование механизмов совместных оборонных проектов, помогающее повысить согласованность и эффективность принятия решений [Council Decision ... , 2025]. Со своей стороны Европейская комиссия опубликовала Рекомендацию 2025/683, направленную на совершенствование координации национальных контрольных списков ТТДН [Commission Recommendation ... , 2025]. Однако вопрос о готовно-

сти стран – участниц ЕС следовать положениям этой Рекомендации пока остается открытым, что свидетельствует о необходимости дальнейшего мониторинга изменений в области национальных экспортных политик европейских государств.

Между «неэтичным» экспортом и внутренней «ремилитаризацией»

В контексте концептуально меняющихся подходов ЕС к экспорту ВиВТ и ТТДН, невозможно не отметить еще одну важную тенденцию. Евросоюз выступает сегодня в двоякой роли: с одной стороны, он остается крупным экспортером оружия, с другой – наращивает закупки для собственных армий и оборонной промышленности. Внутренняя ремилитаризация ЕС неизбежно ставит вопрос о соотношении внешних и внутренних приоритетов объединения: будет ли растущий внутренний спрос, маскирующийся лозунгами о необходимости наращивать военную мощь при нарастании напряженности в мире, ограничивать экспортные возможности государств – членов Евросоюза или, напротив, станет стимулом для расширения производства и поиска внешних рынков. При этом ЕС по-прежнему позиционирует себя как «прозрачного и ответственного торговца оружием» [Twenty-sixth ... , 2024].

Динамика рынков вооружений в Европе достаточно хорошо изучена, а их проблемы известны: фрагментированность этих рынков и их ограниченная емкость вынуждает правительства стран – участниц ЕС следовать «материалистическим интересам», поддерживая своих производителей вооружений. Для последних эта поддержка крайне важна, поскольку они сталкиваются с серьезными конкурентами как на мировых рынках оружия и наукоемких технологий (прежде всего – в лице США, а с определенных пор – еще и КНР), так и в самой Европе [Hansen, 2015 ; Erickson, 2011 ; Arms sales ... , 2025]. На сегодняшний день на долю Евросоюза приходится 21% мирового импорта вооружений [Trends in international ... , 2024, p. 1]. Всего за пять лет совокупные оборонные расходы стран – участниц ЕС увеличились на 100 млрд евро – с 234 млрд евро в 2020 г. до 343 млрд евро в 2025 г. [EU defence in numbers ... , 2025]. Инвестиционный сегмент, включая расходы на новое оборудование, НИОКР и крупные модернизации, достиг 72 млрд евро и составил 26% от совокупных затрат на оборону – максимальный результат за весь период сбора статистики, начиная с 2005 г. [EU defence spending ... , 2024].

Таким образом, внутренняя «потребность» Европы в вооружениях растет. Государства – члены ЕС начали заключать многолетние рамочные соглашения, вынуждая крупные концерны («Airbus», KNDS, «Rheinmetall») расширять производственные линии под внутренний заказ. При этом экспортная активность европейских производителей вооружений также остается высокой. По данным Стокгольмского института исследования проблем мира (*англ.* Stockholm international peace research institute, SIPRI), за период 2019–2023 гг. суммарные внешние поставки Франции выросли на 47%, Италии – на 86% [Trends in international ... , 2024, p. 2]; в результате пять ведущих стран ЕС (Франция, Германия, Италия, Испания, Швеция) сейчас контролируют более 23% мирового рынка обычных вооружений, тогда как в середине 2010-х годов их доля была ближе к 20%¹. При этом крупнейшими импортерами вооружений остаются Азия и Океания, а также Ближний Восток: в 2019–2023 гг. на их долю пришлось соответственно 37% и 30% мирового импорта [ibid., p. 7].

Как было сказано выше, один из критериев принятой Евросоюзом ОП 2008/944/CFSP требует от стран-экспортеров вооружений учитывать ситуацию с правами человека в странах, импортирующих их военную продукцию; но тем не менее значительная часть экспортных доходов европейских производителей по-прежнему генерируется в юрисдикциях с повышенным правозащитным и гуманитарным риском. Данные COARM за 2014–2023 гг. показывают, что общий объем экспортных лицензий в странах ЕС растет, а доля отказов по правозащитным причинам падает. За десять лет объем рынка одобренных лицензий вырос с 137 млрд евро до 298 млрд евро, т.е. почти вдвое. В 2022 г., согласно годовому отчету Еврокомиссии, государства – члены Евросоюза отклонили 79 заявок (менее 0,3% решений); при этом причины отказов изменились. Если в 2014 г. на критерий «Права человека» (критерий № 2 в ОП) приходилась треть всех отказов, то в 2022 г. – примерно четверть. Зато число отказов по критериям «Региональная стабильность» и «Риск распространения» (критерии № 4 и № 7) возросло с 36% до примерно 40%².

¹ Рассчитано автором по данным доклада ЦАМТО (см.: [Мировой экспорт ... , 2024]).

² Рассчитано автором по данным European Network Against Arms Trade (ENAAAT) и портала Control Arms (см.: [The impact of arms ... , 2020 ; EU export ... , 2022]).

Крупнейшим покупателем европейского оружия остается Израиль, несмотря на снижение числа выданных ему лицензий со стороны некоторых стран – участниц ЕС (Германия, Италия) и фактически полную приостановку выдачи лицензий другими странами (Испания). Так, по данным COARM, только за 2023 г. государства – члены ЕС выдали Израилу 655 экспортных лицензий на сумму около 948 млн евро, при этом крупнейшими поставщиками стали компании из Германии (326 млн евро), Греции (183 млн евро), Франции (167 млн евро), Румынии (59 млн евро) [Twenty-sixth ... , 2024]. По агрегированным данным COARM, за пять лет (с 2018 по 2022 г.) страны – участницы ЕС поставили Израилу вооружения на общую сумму 1,76 млрд евро [Bhriain, Akkerman, 2024].

Что же касается Украины, то в данном случае экспортный контроль со стороны стран – участниц ЕС несомненно меняется в сторону упрощения. В начале 2025 г. Федеральное ведомство по экономике и экспортному контролю ФРГ (*нем.* Bundesamt für Wirtschaft und Ausfuhrkontrolle, BAFA) приняло меры по ускорению и оптимизации процедур выдачи экспортных разрешений для Украины, что позволило компаниям-поставщикам отгружать товары без индивидуальной заявки, тем самым официально «существенно сокращая сроки» [Göcke, Altun, 2025]. Это обстоятельство позволит Берлину и впредь оставаться важнейшим партнером Киева в области военных поставок. В 2023 г. Украина получила немецкие лицензии на поставки ВиВТ и ТТДН на сумму 4,44 млрд евро и вышла на первое место по стоимости лицензий среди стран – экспортеров немецкого оружия и ТТДН [The federal government's policy ... , 2024].

Некоторые другие государства – члены ЕС (Нидерланды, Чехия) в той или иной форме также выразили заинтересованность в приоритетном лицензировании товаров военного и двойного назначения для Украины, хотя конкретные детали еще уточняются [Dutch export ... , 2024]. В свою очередь, Еврокомиссия в июне 2025 г. опубликовала «Свод предложений по подготовке к обороне» (*англ.* «Defence readiness omnibus») – инициативу, направленную на снижение правовых и административных барьеров, лежащих на пути военно-технического сотрудничества с третьими странами [Defence readiness ... , 2025]. Инициатива подразумевает, в числе прочего, установление привилегий, доступных только «для подрядчиков и субподрядчиков из ЕС, ЕАСТ и Украины» [Ready for defence ... , 2025].

Важно отметить, что подобные намерения Брюсселя сотрудничать по военно-технической линии со странами, не входящими в ЕС, обусловлены потребностями европейских государств не только в рынках сбыта своей продукции, но и в импорте. Несмотря на принятые в ЕС нормативные акты, которые должны способствовать интенсификации выпуска военной продукции, реальность, с которой сталкивается ЕС в сфере военного производства, вносит свои коррективы. Евросоюз по-прежнему крайне зависит от внешних поставщиков, о чем свидетельствуют выводы ежегодного обзора Европейского оборонного агентства 2024 г., в котором прямо отмечается, что за период 2022–2023 гг. многие государства – члены ЕС размещали заказы не у европейских производителей, а за пределами ЕС [Coordinated annual ... , 2024]. Это противоречит провозглашенным планам ЕС по введению так называемой «новой промышленной рамки», зафиксировавшей целевые ориентиры: к 2030 г. не менее 50% закупок на нужды обороны должны осуществляться у европейских производителей, к 2035 г. – 60% [First ever defence ... , 2024 ; Scazzieri, 2024]. Пока же заказчики из ЕС думают иначе, отмечая, что Европейская технологическая и промышленная база обороны (*англ.* EU's defence technological and industrial base, EDTIB) «страдает от предполагаемой нехватки производственных мощностей и более длительных сроков выполнения заказов» [Coordinated annual ... , 2024]. Это обстоятельство не позволяет сделать однозначный вывод о том, что наращивание внутреннего спроса в ЕС вытесняет экспорт. Европейская оборонная промышленность еще крайне далека от того, чтобы задумываться о рисках перепроизводства. Напротив, она активно набирает темпы, работая как на внутреннего потребителя, так и на внешний рынок.

Евросоюз сочетает в своей политике два подхода: «этичная ремилитаризация» под лозунгами защиты Европы от потенциальных угроз и стимулирование экспорта военной продукции за рубеж. В текущих условиях ЕС рассчитывает на дальнейшее совершенствование своих регуляторных механизмов ЭК, по-видимому, не слишком опасаясь попадания европейского оружия «не в те руки».

Инкорпорация в систему ЭК Евросоюза «ценностной компоненты» (защита прав человека, демократия и т.д.) стала отличительной чертой так называемой «нормативной силы» ЕС – концепции, подразумевающей опору внешней политики на международное

право, права человека и принцип транспарентности. Однако со временем условия, в которых реализуется европейский ЭК, радикально изменились. Череда внешних и внутренних вызовов, с которыми столкнулись институты Евросоюза в 2010–2020-х годах, стала причиной существенной корректировки европейского самопозиционирования, что привело к пересмотру прежних политико-экономических практик ЕС, основанных на принципах рыночной свободы, с постепенным замещением их новыми механизмами, в большей степени подчиненными логике протекционизма, политической и геополитической целесообразности.

Следуя общему курсу Евросоюза на достижение «технологического суверенитета» и «стратегической автономии», государства – члены и институты ЕС стремятся улучшить координацию при введении новых мер контроля над экспортом товаров и технологий как военного, так и двойного назначения. В совокупности с новыми подходами ЕС к внешнеэкономической деятельности, экономической безопасности, постоянно расширяющимся набором санкционных инструментов, используемых Евросоюзом против его экономических конкурентов и геополитических оппонентов, меняющийся режим ЭК представляется еще одним способом сохранения (или восстановления) международных позиций ЕС, подорванных глобальной конкуренцией и зарождающейся многополярностью.

Эти процессы стали наглядным примером того, как политика, основанная на примате «ценностной компоненты», может модифицироваться под давлением геоэкономических реалий, внутренних противоречий и рыночной логики. В последнее десятилетие основные принципы ЭК ЕС изменились: от доминирования правозащитной составляющей – в сторону соображений безопасности, определяемой в категориях геоэкономики и геополитики. Политические элиты Старого Света, все чаще отдавая приоритет соображениям безопасности, неявно, но тем не менее уверенно, отходят от принципов чистой «этической фильтрации» экспортных решений (выдача лицензий только при отсутствии риска нарушений гуманитарного права), заменяя их более нюансированным и прагматичным подходом, ориентированным на поддержку собственных высокотехнологичных отраслей, конкурентоспособности и обеспечение безопасности цепочек поставок. Доля отказов по критерию риска нарушения прав человека снижается, уступая место отказам по соображениям, связанным с возможностью несанкцио-

нированного использования технологий или дестабилизацией отдельных регионов. Это свидетельствует о постепенной адаптации ЕС к реальной архитектуре угроз в эпоху цифровизации, внешнеполитического давления и появления игроков, не разделяющих европейскую нормативную повестку.

Переосмысление роли ЭК будет зависеть от того, сумеет ли Евросоюз ответить на новые технологические и политические вызовы не только обновлением своих регуляторных механизмов, но и продвижением реального институционального сближения между государствами – членами ЕС. Представляется, что движение ЕС в сторону стратегической автономии может, в конечном итоге, снять проблему сохранения постоянного баланса между ценностями и интересами. Однако разрешение этой дилеммы не избавит Брюссель от необходимости совершенствования норм и практик ЭК в рамках общей логики европейской интеграции. Это связано с отсутствием консенсуса между странами – членами ЕС по вопросам трактовки и применения общих регламентов, которое наверняка сохранится в силу самой специфики европейской системы ЭК, в рамках которой национальные особенности правоприменения де-факто (хотя и не де-юре) доминируют над общесоюзными регламентами. Чем активнее одни государства обновляют свои списки контролируемых товаров, тем более увеличивается разрыв между ними и теми государствами Евросоюза, которые не проявляют в этом вопросе излишней щепетильности.

Существование столь противоречивой системы ставит под вопрос перспективы ее жизнеспособности по сравнению с более централизованными моделями ЭК (например, американской), которые могут претендовать на роль образцов для подражания и копирования со стороны других членов мирового сообщества (стран, групп государств). Последние наверняка станут искать наиболее жизнестойкие модельные образцы, принимая в расчет изменение реалий и нарастание кризисных тенденций в многосторонних режимах ЭК.

Литература / References

Данилин И.В., Кириченко И.В., Шелюбская Н.В. (2024). Политика ЕС по достижению технологической автономии от КНР : между Пекином, Вашингтоном и Нью-Дели // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 4. – С. 106–123 [Danilin I.V., Kirichenko I.V., Shelyubskaya N.V. (2024). The EU policy for achieving technological autonomy from China : between Beijing, Washington, and

New Delhi [*Politika ES po dostizheniyu tekhnologicheskoi avtonomii ot KNR : mezhdru Pekinom, Vashingtonom i N'yu-Deli*] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 4. – P. 106–123]. (In Russian).

Мировой экспорт вооружений в 2024 году и за период 2021–2024 гг. (2025) / Центр анализа мировой торговли оружием (ЦАМТО). – Москва. – 17.03. – URL: <https://armstrade.org/includes/periodics/mainnews/2025/0317/044885344/detail.shtml> (дата обращения: 15.12.2025) [*World arms exports in 2024 and for the period 2021–2024 [Mirovoi eksport vooruzhenii v 2024 godu i za period 2021–2024 gg.]*. (2025) / Centre for Analysis of World Arms Trade (CAWAT). – Moscow. – 17.03. – URL: <https://armstrade.org/includes/periodics/mainnews/2025/0317/044885344/detail.shtml> (date of access: 15.12.2025)]. (In Russian).

A comparison between US export controls and European export controls. (2023) / Export Compliance Training Institute. – Mocksville, NC. – 07.07. – URL: <https://www.learnexportcompliance.com/a-comparison-between-u-s-export-controls-and-european-export-controls/> (date of access: 15.12.2025).

Ash T.G. (2025). In the new Trumpian era, liberal democracies must hold their noses – and engage with difficult partners // The Guardian. – London. – 15.01. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/jan/15/donald-trump-liberal-democracies-trumpian-europe-politics> (date of access: 15.12.2025).

Arms sales and the Middle East : another arena for great power competition? (2025) / Bendett S., Ciolan I., Cressey L., Rinaldi J. / Washington Institute for Near East Policy. – Washington, D.C. – 15.08. – URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/arms-sales-and-middle-east-another-arena-great-power-competition> (date of access: 15.12.2025).

Bhriain N., Akkerman M. (2024). The EU's support for Israel makes it complicit in genocide // Aljazeera. – Doha. – 06.07. – URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2024/7/6/the-eus-support-for-israel-makes-it-complicit-in-genocide> (date of access: 15.12.2025).

Blackwill R.D., Fontaine R. (2024). No limits? The China–Russia relationship and US foreign policy / Council on Foreign Relations. – New York. – 71 p. – URL: https://cdn.cfr.org/sites/default/files/report_pdf/No%20Limits.pdf (date of access: 15.12.2025).

Bora S., Rueda S. (2025). Weatherproofing Europe's economic security : towards an EU export control policy? / Centre for Security, Diplomacy and Strategy (CSDS). – Brussels. – 02.09. – URL: <https://csds.vub.be/publication/weatherproofing-europes-economic-security-towards-an-eu-export-control-policy/> (date of access: 15.12.2025).

Brockmann K. (2021). The multilateral export control regimes // SIPRI Yearbook 2021 / SIPRI. – Stockholm. – P. 578–586. – URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRIYB21c14sIII.pdf> (date of access: 15.12.2025).

Bromley M. (2023). The EU dual-use regulation, cyber-surveillance and human rights : the competing norms and organised hypocrisy of EU export controls // Defence studies. – Abingdon-on-Thames : Routledge. – Vol. 23, Issue 4. – P. 644–664.

Bromley M., Maletta G. (2018). Developments in the European Union's dual-use and arms trade controls // SIPRI Yearbook 2018 / SIPRI. – Stockholm. – P. 532–

537. – URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRIYB19c10sIV.pdf> (date of access: 15.12.2025).

Commission Recommendation (EU) 2025/683 of 8 April 2025 on coordination of national control lists. (2025) // Official j. of the European Union. – Brussels. – 16.04. – 3 p. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202500683 (date of access: 15.12.2025).

Common military list of the European Union. (2025) / Council of the European Union. – Brussels. – 25.02. – 39 p. – URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-5414-2025-INIT/en/pdf> (date of access: 15.12.2025).

Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union. (2012) // Official j. of the European Union. – Brussels. – 26.10. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:12012E/TXT> (date of access: 15.12.2025).

Coordinated annual review on defence : report 2024. (2024) / European Defence Agency. – Brussels. – 14 p. – URL: <https://eda.europa.eu/docs/default-source/documents/card-report-2024.pdf> (date of access: 15.12.2025).

Cops D., Duquet N., Gourdin G. (2017). Towards Europeanised arms export controls? Comparing control systems in EU member states / Flemish Peace Institute. – Brussels. – 15.06. – 219 p. – URL: <https://vlaamsvredesinstituut.eu/wp-content/uploads/2019/03/Towards-Europeanized.pdf> (date of access: 15.12.2025).

Council Common position 2008/944/CFSP of 8 December 2008 defining common rules governing control of exports of military technology and equipment. (2008) // Official j. of the European Union. – Brussels. – 13.12. – P. 99–103. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32008E0944> (date of access: 15.12.2025).

Council Regulation (EC) No 3381/94 of 19 December 1994 setting up a Community regime for the control of exports of dual-use goods. (1994) // Official j. of the European Union. – Brussels. – 31.12. – 7 p. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:31994R3381> (date of access: 15.12.2025).

Council Decision (CFSP) 2025/779 of 14 April 2025 amending Common position 2008/944/CFSP defining common rules governing control of exports of military technology and equipment. (2025) // Official j. of the European Union. – Brussels. – 15.04. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=OJ:L_202500779 (date of access: 15.12.2025).

Curic A. (2022). Arms exports : a business without an EU policy // Investigate Europe. – Berlin. – 01.04. – URL: <https://www.investigate-europe.eu/posts/arms-exports-a-business-without-an-eu-policy> (date of access: 15.12.2025).

Davis I. (2002). The regulation of arms and dual-use exports : Germany, Sweden and the UK. – Oxford : Oxford univ. press – 360 p.

Defence readiness omnibus : communication from the Commission to the European Parliament and the Council. (2025) / European Commission. – Strasbourg. – 17.06. – 15 p. – (COM(2025) 820 final). – URL: https://defence-industry-space.ec.europa.eu/document/download/b2bcc9a0-5259-4543-9e1c-3af1dde8fbec_en?filename=Defence-Simplification-Omnibus.pdf (date of access: 15.12.2025).

Dereskeviciute R., Naugès S., Chajdukowski M. (2024). EU member states implement additional measures to regulate export of non-listed dual-use items //

McDermott Will & Schulte's regulatory and international trade blog. – 04.10. – URL: <https://regandtrade.com/2024/10/eu-member-states-implement-additional-measures-to-regulate-export-of-non-listed-dual-use-items/> (date of access: 15.12.2025).

Directive 2009/43/EC of the European Parliament and of the Council of 6 May 2009 simplifying terms and conditions of transfers of defence-related products within the Community. (2009) // Official j. of the European Union. – Brussels. – 10.04. – 36 p. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2009/43/oj/eng> (date of access: 15.12.2025).

Dutch export policy on strategic goods in 2023. (2024) / Government of the Netherlands. – The Hague – 22.11. – URL: <https://www.government.nl/documents/reports/2024/11/22/dutch-export-policy-on-strategic-goods-in-2023> (date of access: 15.12.2025).

Emerging technologies become part of the German national export list : an interference with the single market? (2024) / Blomstein Partnerschaft von Rechtsanwälten mbB. – Berlin. – 18.07. – 3 p. – URL: https://www.blomstein.com/assets/downloads/240718_briefing_awv-nouvelle_en.pdf (date of access: 15.12.2025).

Erickson J.L. (2011). Market imperative meets normative power : human rights and European arms transfer policy // European j. of international relations. – Thousand Oaks, CA : Sage Publishing. – Vol. 19, Issue 2. – P. 209–234.

EU defence in numbers : how much are EU member states spending on defence? (2025) / European Council ; Council of the European Union. – Brussels. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/defence-numbers/> (date of access: 15.12.2025).

EU defence spending hits new records in 2023, 2024. (2024) / European Defence Agency. – Brussels. – 04.12. – URL: <https://eda.europa.eu/news-and-events/news/2024/12/04/eu-defence-spending-hits-new-records-in-2023-2024> (date of access: 15.12.2025).

EU export data browser : exports and licences of military goods by EU states since 1998. (2022) / European Network Against Arms Trade (ENAAAT). – Brussels. – URL: <https://enaat.org/eu-export-browser/overview> (date of access: 15.12.2025).

Exporting dual-use items. (2025) / European Commission. – Brussels. – URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/help-exporters-and-importers/exporting-dual-use-items_en (date of access: 15.12.2025).

First ever defence industrial strategy and a new defence industry programme to enhance Europe's readiness and security. (2024) / European Commission. – Brussels. – 05.03. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_1321 (date of access: 15.12.2025).

Göcke K., Altun K. (2025). New general export authorizations simplify exports of military and dual-use items // Cattwyk. – Hamburg ; Brussels. – 15.01. – URL: <https://www.cattwyk.com/en-news/new-general-export-authorizations-simplify-exports-of-military-and-dual-use-items> (date of access: 15.12.2025).

Hansen S.T. (2015). Taking ambiguity seriously : explaining the indeterminacy of the European Union conventional arms export control regime // European j. of international relations. – Thousand Oaks, CA : Sage Publishing. – Vol. 22, Issue 1. – P. 192–216.

Isbister R. (2019). Reviewing EU Common position 2008/944/CFSP : some food for thought // Saferworld. – London. – URL: <https://www.saferworld-global.org/>

resources/publications/1216-reviewing-eu-common-position-2008-944-cfsp-some-food-for-thought (date of access: 15.12.2025).

Janeba E. (2024). Extraterritorial trade sanctions : theory and application to the US–Iran–EU conflict // Review of international economics. – Hoboken, NJ : Wiley-Blackwell. – Vol. 32, Issue 1. – P. 49–71.

Kanetake M. (2019). The EU's dual-use export control and human rights risks : the case of cyber surveillance technology // Europe and the world : a law review. – London : UCL press. – Vol. 3, Issue 3. – URL: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10077351> (date of access: 15.12.2025).

Letter dated 26 October 2001 from the Chairman of the Security Council Committee established pursuant to resolution 1343 (2001) concerning Liberia addressed to the President of the Security Council. (2001) / UN Security Council. – New York. – 116 p. – URL: <https://mondediplo.com/IMG/pdf/1015e.pdf> (date of access: 15.12.2025).

Meissner K.L., Urbanski K. (2021). Feeble rules : one dual-use sanctions regime, multiple ways of implementation and application? // European security. – Abingdon-on-Thames : Routledge. – Vol. 31, Issue 2. – P. 222–241.

O'Farrell K.T., Isbister R. (2018). The beginning of the end? European arms exports for the Yemen war // Saferworld. – London. – 01.03. – URL: <https://www.saferworld-global.org/resources/news-and-analysis/post/759-the-beginning-of-the-end-european-arms-exports-for-the-yemen-war> (date of access: 15.12.2025).

Orru M. (2024). Netherlands expands export control rules for some ASML equipment // The Wall Street j. – New York. – 06.09. – URL: <https://www.wsj.com/tech/netherlands-expands-export-control-rules-for-some-asml-equipment-13f550ac> (date of access: 15.12.2025).

Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on measures for a high common level of cybersecurity across the Union, repealing Directive (EU) 2016/1148. (2020) / European Commission. – Brussels. – 16.12. – (COM(2020) 823 final). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52020PC0823> (date of access: 15.12.2025).

Rapport annuel du Gouvernement de la Région de Bruxelles-Capitale au Parlement de la Région de Bruxelles-Capitale concernant l'application de l'Ordonnance du 20 juin 2013 relative à l'importation, à l'exportation, au transit et au transfert de produits liés à la défense, d'autre matériel pouvant servir à un usage militaire, de matériel lié au maintien de l'ordre, d'armes à feu à usage civil, de leurs pièces, accessoires et munitions. (2018) / SIPRI. – Stockholm. – 100 p. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2021-04/brussels_arms_trade_report_2018.pdf (date of access: 15.12.2025).

Ready for defence : the EU's Defence readiness omnibus. (2025) / Arnold S., Bracker J., Bremer S., Zimmermann C. // Ashurst. – Brussels. – 25.07. – URL: <https://www.ashurst.com/en/insights/ready-for-defence-the-eus-defence-readiness-omnibus/> (date of access: 15.12.2025).

Regulation (EU) 2021/821 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2021 most recently amended by Commission Delegated Regulation (EU) 2023/66 of 21 October 2022, setting up a Union regime for the control of exports, bro-

kering, technical assistance, transit and transfer of dual-use items (recast). (2021) // Official j. of the European Union. – Brussels. – 11.06. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32021R0821> (date of access: 15.12.2025).

Report from the Commission to the European Parliament and the Council on the implementation of Regulation (EU) 2021/821 setting up a Union regime for the control of exports, brokering, technical assistance, transit and transfer of dual-use items. (2022) / European Commission. – Brussels. – 01.09. – 17 p. – (COM(2022) 434 final). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52022DC0434> (date of access: 15.12.2025).

Restricted : how export controls are reshaping markets. (2025) / Levy C., Watters M., Singhal Sh., Bittner B., Bennett I., Hindin D. // McKinsey Insights. – Toronto. – 03.04. – URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/geopolitics/our-insights/restricted-how-export-controls-are-reshaping-markets> (date of access: 15.12.2025).

Sabatiano E. (2024). Arms supplies to Ukraine : does the European arms export control system need revision / SIPRI. – Stockholm. – N 89. – 16 p. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2024-05/eunpdc_no_89.pdf (date of access: 15.12.2025).

Sachs B., Rösch D., Glöckle C. (2024). Germany expands export controls on emerging technologies / Noerr. – Munich. – 26.07. – URL: <https://www.noerr.com/en/insights/germany-expands-export-controls-on-emerging-technologies> (date of access: 15.12.2025).

Scazzieri L. (2024). The EU's defence ambitions are long-term / Centre for European Reform (CER). – London. – 13.04. – URL: <https://www.cer.eu/insights/eus-defence-ambitions-are-long-term> (date of access: 15.12.2025).

Shi-Kupfer K., Turchet L. (2023). Europe's strategic technology autonomy from China : assessing foundational and emerging technologies / Digital Power China Research Consortium ; German Council on Foreign Relations (DGAP) ; Rühlig T. (Ed.). – Berlin. – 134 p. – URL: https://timruhlig.eu/ctf/assets/x93kiko5rt7l/2kCX6lXU6CWjDPBkjaPnmF/eacc44fd42b9086dd898fdef7bc12965/DPC_-2023_-final.pdf (date of access: 15.12.2025).

Slowing down or changing track? Understanding the dynamics of «slowbalisation». (2020) / Titievskaja J., Kononenko V., Navarra C., Stamegna C., Zumer K. ; European Parliamentary Research Service (EPRS). – Brussels. – 28 p. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2020/659383/EPRS_IDA\(2020\)659383_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2020/659383/EPRS_IDA(2020)659383_EN.pdf) (date of access: 15.12.2025).

Stalenhoef C., Kanetake M., Wende M. (2022). The implications of the EU's dual-use export control Regulation 2021/821 for universities and academics / Utrecht univ. – Utrecht. – 18.10. – URL: <https://ssrn.com/abstract=4248860> (date of access: 15.12.2025).

Strategic export controls : HMG's annual report for 2003, licensing policy and parliamentary scrutiny. (2005) / House of Commons. – London. – 24.03. – 162 p. – URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm200405/cmselect/cmdfence/145/145.pdf> (date of access: 15.12.2025).

The federal government's policy on defence exports in 2023. (2024) / Federal Ministry for Economic Affairs and Energy. – Berlin. – 04.01. – URL:

<https://www.bundeswirtschaftsministerium.de/Redaktion/EN/Pressemitteilungen/2024/01/the-federal-governments-policy-on-defence-exports-in-2023.html> (date of access: 15.12.2025).

The impact of arms transfers on human rights. (2020) // Control Arms. – Geneva. – 7 p. – URL: <https://controlarms.org/wp-content/uploads/2020/05/Report-on-the-impact-of-arms-transfers-on-human-rights.pdf> (date of access: 15.12.2025).

The list of dual-use items referred to in article 3 of the Regulation (EU) 2021/821. (2021) // Official j. of the European Union. – Brussels. – 11.06. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32021R0821#d1e63-25-1> (date of access: 15.12.2025).

Thoms A. (2025). Export controls in the European Union as regime at risk of fragmentation // Global investigations review. – London. – 30.06. – URL: <https://globalinvestigationsreview.com/guide/the-guide-sanctions/sixth-edition/article/export-controls-in-the-european-union-regime-risk-of-fragmentation> (date of access: 15.12.2025).

Trends in international arms transfers, 2023. (2024) / Wezeman P.D., Djokic K., George M., Hussain Z., Wezeman T.S. ; SIPRI. – Stockholm. – 12 p. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2024-03/fs_2403_at_2023.pdf (date of access: 15.12.2025).

Twenty-sixth annual report according to Article 8(2) of Council Common position 2008/944/CFSP defining common rules governing the control of exports of military technology and equipment : per destination – Georgia to Rwanda. (2024) / Council of the European Union. – Brussels. – 16.12. – 148 p. – URL: https://www.parlament.gv.at/dokument/XXVIII/EU/6974/imfname_11440265.pdf (date of access: 15.12.2025).

Undermining global security : the European Union's arms exports. (2004) / Amnesty International. – London. – 01.02. – URL: <https://web.archive.org/web/20200420164459/https://www.amnesty.org/en/documents/act30/003/2004/en/> (date of access: 15.12.2025).

User's guide to Council Common position 2008/944/CFSP defining common rules governing the control of exports of military technology and equipment. (2019) / Council of the European Union. – Brussels. – 16.09. – 159 p. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/40659/st12189-en19.pdf> (date of access: 15.12.2025).

White Paper on export controls. (2024) / European Commission. – Brussels. – 24.01. – 15 p. – (COM(2024) 25 final). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX%3A52024DC0025> (date of access: 15.12.2025).

Nadtochey Yu.I.¹

Export control in the European Union: between «normative power» and «strategic autonomy»

Abstract. *The article examines export control (EC) regime of the European Union as a key element of European and international security policy, external economic activity, and the EU's strategic positioning. Particular attention is paid to the dual nature of the European model of EC, which combines national and supranational regulatory practices. The article analyzes the transformation of EU policy in the context of slowing globalization, intensifying geopolitical competition, and the crisis of multilateral control regimes, which stimulate Brussels to reinforce the concept of «strategic autonomy».*

It is shown that the regulation of military exports and dual-use goods remains a contested domain, where the interests of EU member states, EU institutions, and external actors are deeply intertwined. The study considers key documents and initiatives aimed at enhancing transparency and harmonizing national practices. It is noted that despite the existence of a common regulatory framework, EU member states retain broad autonomy, which prevents full synchronization of export control practices at the EU level.

The article highlights the challenges arising from the rapid development of high-tech industries (including cyber-surveillance tools), the growth of internal defense demand, and the simultaneous maintenance of strong export activity by Europe's leading arms manufacturers. Special attention is given to the dilemma between normative and pragmatic approaches: the declining role of human rights criteria in licensing is accompanied by the growing priority of geo-economic and geopolitical factors. Using the examples of arms exports to Israel, Ukraine, and Middle Eastern states, the article demonstrates how European countries maneuver between declarations of «normative power» and the practice of supporting national industries while seeking to contribute to international peace and security.

It is concluded that the current EU export control regime increasingly functions not only as an instrument of «ethical filtering», but also as a mechanism of protectionism and strategic response to the challenges of a multipolar world. Its future evolution will be shaped by the balance between

¹ **Nadtochey Yury Ivanovich** – PhD in History, Senior Researcher, INION RAN (ynadtochey@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-8725-6495

the need for institutional consolidation and the persistence of national specificities, which calls into question the possibility of turning the EU into a model system of export controls for other international actors, whether states or regional integration groupings.

Keywords: *European Union, export control, multilateral export control regimes, arms exports, normative power, human rights, dual-use goods, strategic autonomy, economic security.*

Статья поступила в редакцию (Received) 01.10.2025
Доработана после рецензирования (Revised) 02.10.2025
Принята к публикации (Accepted) 06.10.2025